

Музыка лет

Я была уверена, что Виктор Иванов прекрасно поёт – столько у него много песенных стихов. Нет, не дал Бог таланта. «Музыку, - говорит, - чувствую, чувствую фальшь, но воспроизвести правильно не могу». Но вот это чувство музыкального ритма помогает ему писать стихи, причем хорошие стихи. На днях Виктору Иванову исполнилось 70 лет. Никто не даёт ему этого возраста, да и сам он в душе вполне молодой, тем более, что столько дел ещё недоделано!

«Витя-Пушкин»

У Виктора отец писал стихи, посвящая их своей жене. Уже взрослым он удивился и их оценил: хорошие! А сам стал кропать строки лет в 12. Первыми читателями были дворовые друзья-пацаны. Из-за охапки мелко выющихся кудрей на голове и рифм в голове в школе Виктора так и называли - «Витя-Пушкин».

Стихи он тогда записывал в блокнот. А тут дядя его, Степан Павлович Голованов, говорит: перепиши начисто, ко мне на день рождения друг приедет, посмотрит. Виктор переписал, а когда получил блокнот обратно, там было больше красных чернил, чем синих, которыми он писал. Другом Голованова был поэт Михаил Александрович Небогатов. Витя расстроился, Витя бросил писать.

А потом была просто жизнь

Окончил 8 классов школы, пошел в ГПТУ-76, оттуда – на завод, а потом – армия, танковые войска. В армии, по просьбе сослуживцев, на всю роту писал стихи для их подруг. Те отправляли письма и радовались. Тут КВНЫ вошли в моду – как там без Виктора, писал и писал. И сам выступал! Вернулся, тянуло получить хорошее образование, поэтому поступил на рабфак – после армии это только приветствовалось – Красноярского госуниверситета, окончил его.

По основной специальности карьера не сложилась, Виктор работал мастером производственного обучения в нашем ПТУ, а потом накрепко связал свою жизнь с заводом: был заместителем секретаря парткома, посадчиком металла в прокатном цехе, заливщиком в литейном цехе, работал заместителем главного инженера по охране окружающей среды, директором рыбного хозяйства.

И, работая на заводе, Виктор Иванов издал книгу «Наедине» - директор С. Кузнецов заинтересовался его творчеством и помог в издании книги.

Стихий

Что такое стихи Виктора Иванова? Каждое – откровение. Думаю, читатели согласятся со мной, но гражданско-патриотическая лирика зачастую бывает представлена рифмованными лозунгами. А у него – чистая, неизбывная любовь к своей малой родине.

То ли это весна, то ли я так влюблён в этот город,

Где изгибы ручьев мне знакомы до рези в глазах.

Здесь ни в чём не ищу для влюблённости повод,

Просто просится сердце на признание в тёплых словах...

Это не тот показатель патриотизм, которым мы сыты, это – от души. И он обо всем пишет так – легко, ненавязчиво, от души, от сердца.

Но когда надо – жёстко. Очень жёстко - «Дерьма кусок у рыла лиры». Это про власть, а дальше про народ:

Народ! Ты вечно весел не от жиру.

В лаптях одолевая путь,

Коней раздариваешь миру!

Он, как все мужики, лезет в политику. Причем пишет всегда с напором, яростно... Обо всем так пишет - и о жизни, и о любви, и ещё о многом-многом, что встречается в нашей жизни. Он мастер образов, как вам: «Тянется и тянется осень-голодраница», «Тайга ты моя, комариная песня»...

Творческая «кухня» - да как у всех: строчка появится, как Виктор говорит, «засядет в голову и давай её откручивать», ходишь с ней, живешь, там, глядишь, вторая пришла, третья – надо или записывать или уже садиться писать. Случалось, по шесть стихотворений в день писал, но потом голова просто лопалась... Это кажется – просто сложить слова в рифму, но это всегда работа души и сердца. А они не казённые.

При этом автор говорит: не отличаю ямба от хорея. Да и не надо! Главное, чтобы стихи лились как песни!

Проза

Жена Виктора Надежда говорит, что поэзия для него – дар Божий, а вот строительство и усовершенствование всего – это хобби. Не соглашусь. Это что же за хобби такое, что вся жизнь на него сориентирована?

Двухэтажный дом, бильярдная, бассейн, шикарная веранда, камин в доме, полностью накрытый двор – всё построено его руками. А до этого была баня на улице Мичурина, где жили супруги Ивановы, домик в садах у мамы Виктора... Сегодня у него первый помощник – это почти десятилетний внук Артём. Всему у дедушки научится! Дед его научил ходить, научил плавать, сейчас и к строительному делу любовь привьёт. А там еще подрастают Степа с Кирой. Есть, кому навыки передавать – как в творчестве, так и в строительстве.

Никто Виктора не учил строить, просто, я так думаю, талантливый человек талантлив почти во всём. Жена Надежда часто спрашивает Виктора: когда ты бросишь работать? А он в ответ: я без работы не могу, сразу депрессия начнется. Тем более, что труба у камина не доделана, на веранде ещё не всё сделано... Работать и работать! Значит: жить и жить!

Вот такая сложилась музыка лет: из работы, стихов, повизгивания рубанка и пилы, ударов топора, аккорд за аккордом. Много в ней было горя, но и счастье было и есть. У Виктора Иванова сегодня готова рукопись книги, которую он назвал «Музыка лет». Издание книги сегодня дело не дешёвое, поэтому неизвестно, увидим мы её или нет. Но сегодня мы прочитаем стихи из этой рукописи.

Татьяна КОПЫТОВА

ВИКТОР ИВАНОВ

Еремеева дочь

То не вспомнить – греху подобно:
Полоскало зарёю ночь!
Улыбалась с крыльца греховно
Еремеева дочь!

А дворец весь в лучах таки таял!
Тот, что нам подарил крыльцо.
Ты потягивала, не стеснясь,
Из горла дорогое вино.

Как манили зазывно плечи!
И желание не превозмочь!
Прошивала любви картечью
Еремеева дочь!

И летели в лучах зари мы
От всех глаз и суждений прочь!
Ах, какой ты была красивой
Еремеева дочь!

Живем, Серега!

Нам с тобой, дружок, уже по семь десятков!
Спеленали головы снега.
Ерепенимся с тобою - для порядка -
И скрипим суставами в ногах.

Но душою мы с тобой всё те же шкеты
Дворовой оторванной шпаны.
На нас снова эсэсэровские кеды
И в заплатах полинялые штаны.

Один велик на всю дворню, и мы «в рамку»
Крутим преданность педалей вперебой.
И не слушаем опять с тобою мамку,
Когда гонит поздно вечером домой.

Ты, Серега, не грусти.
Ведь сколько ж было
В нашей жизни неустроенной с тобой!
Да и жизнь нас до сих пор не разлюбила.
Вот даёт же тихо вздрогнуть, друже мой!

Оглянись вокруг.
Нас так осталось мало
От того весёлого двора.
Сколько наших вечность спеленала,
Унося от тёплого костра

Наших несвершившихся желаний,
Так и не обузданных страстей!
Сколько б мы ни жили, басурманя –
Нет желанья паковать набор костей!

Ты, Серега, наката!
Только немного.
Нам с тобою много, друг, нельзя.
Мы с тобою с детского порога
Как напьемся – лезем, Серь, в князья.

Но мы любим жизнь и передраги,
И в жару, и в стужу – Боже мой!
Мы всё те же узкобрючные стилиаги.
Возрождаемся с тобой душой!

Мой бор

Стареет что ли мой любимый бор?
А сосны детства в три обхвата
Все так же, вроде бы, ласкают взор,
Вонзаясь в небо опалённого заката.

Я этот запах молодильный от смолы
Впитал как праздник с духовым оркестром!
Скрипят под ветром вековые стволы,
Соединяя сквозь года с весной и детством!

Но дятлы. Я не помню этот стук.
Его как будто не было средь детства.
Красноголовый упоённо долбит сук,
Пронзив насквозь блаженство королевства,

Сулящего здоровье и покой
Ступившему под полусвет от солнца,
Пронзающего крону игл порой
В межвековое синее оконце!

Ужель стареет и мой вечный бор?
Ужель ему в его походе бесконечном
В немыслимый по высоте простор
Не приобнять тех звёзд в дороге Млечной?

Стук дятла – словно по гвоздям,
Вбиваемым в мой бор среди безмолвия.
Я мысленно стремлюсь к своим друзьям,
Не ощутившим этот звук над изголовьем.

Бреду по одеялу бурых игл,
Попыная шишек колких россыпь.
Шум бора для меня – любимый сингл
От колыбели до ухода в проседь.

Я точно знаю: мне мой бор не пережить.
Но отчего-то грустно за него мне.
Он бесконечным должен был бы быть
На этом синем шарике огромном!

Так не должно в подлунном мире быть!
Бор – он ведь символ жизни бесконечной!
Но «кардинал» стучит.
И заставляет стыть
От мысли, что ничто, отнюдь, не вечно...

Не задавай ты мне заданий поутру.
Я всё равно к обеду их забуду.
Что ни задание – всё не по нутру!
И из-за них я дёргаться не буду.

Есть у меня во всём свой интерес.
И чаянья свои, свои запросы.
Я – на заслуженном, вообще-то, наконец.
И без труда мне капает бабосы.

Да я вообще решил: Владивосток –
Вот моя цель в ближайшие полгода!
Пять дней на полке мять в безделье бок!
Мечтать блаженно о бескрайних водах!

Да я потом уйду до мыса Корф
На теплоходе в три футбольных поля!
Я б - до Аляски.
Только Байден-чёрт
Всем русским запретил отведать воли.

Не напрягай меня ты со с ранья.
Коль не Зеленский – я б на Украину.
Там по весне каштаны для меня
По сущности вещей первопричины!

Что, блин, за мир мои желанья обложил?
Куда ни сунься – всюду не те рожи!
Я б и в Сибири тихо-мирно жил.
Но ты ж меня заданиями обложишь!

Над Днепром

Над Днепром горит шлейф зари.
И земля горит над Днепром!
За что хошь меня, мать, кори,
Но не я виновен, мать моя, в том!

Не спроста покинул я дом.
Уложу головушку в пыль!
Не растёт трава ныне над Днепром,
Не колышет ныне в поле ковыль.

Ничего, что уже сед головой.
Ныне всех лихая доля метёт.
Над Днепром прикрою Землю собой.
Хоть частицу не сожжёт огнёмёт.

Подо мною оживёт часть Земли!
Часть счастливого на завтра вчера.
Знаю, снова пропойт ковыли
Вольной волей песнь мою под ветра!

Над Днепром горит шлейф зари.
И земля горит над Днепром!
За что хошь меня, мать, кори,
Но не я виновен, мать моя, в том!